

А.В. УРМАНОВ

профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ГРОМКОГО СКАНДАЛА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ БЛАГОВЕЩЕНСКЕ
(На материале газетной публицистики и сатиры
А.И. Матюшенского и Ф.И. Чудакова)**

Летом 1911 года в Благовещенске, административном центре Амурской области, произошло событие, которое надолго приковало к себе внимание газетных репортёров, фельетонистов, публицистов, редакторов периодических изданий, а также – с их помощью – всей читающей публики. Стараниями газетчиков история эта стала достоянием гласности и со временем, обрастая подробностями, приобрела весьма скандальный характер. В её орбиту оказались втянуты, разумеется, вопреки их желанию, очень влиятельные персоны, в том числе вице-губернатор (с мая 1909 г.) Александр Гаврилович Чаплинский.

Виновник устроенного газетами переполоха – титулярный советник Николай Павлович Алексинский – зав. гидротехническим отделом Амурского переселенческого района, по образованию горный инженер. И он же, в другой своей ипостаси – человек, распорядившийся финансами немалого числа общественных и иных организаций и учреждений: казначей попечительского совета Общины сестёр милосердия, казначей Амурского окружного правления Общества спасания на водах и т.д. Кто, для чего, за какие заслуги обеспечил ему доступ к финансам всех этих структур – остаётся загадкой, но, судя по всему, без высокого покровительства и содействия вряд ли обошлось. Ни соответствующего образования, ни опыта службы в финансовых учреждениях у Алексинского, судя по всему, не было. Впрочем, какое это имеет значение в России, если у человека есть покровители в высоких властных инстанциях?

Алексинский в данный период своей не очень ясной для нас биографии совершал стремительное служебное восхождение, только не профессиональное – инженерное, переселенче-

ское, его карьерное движение имело иной вектор и иную вожденную цель, имя которой – городская казна, с которой все прочие, уже «освоенные» нашим героем, конечно же, сравниться не могли. Первый шаг, ведущий к заветной цели, дался легко: Алексинский без затруднений оказался в числе гласных городской думы. И хотя никаких достижений на этом поприще он не снискал, неведомо каким образом скромный, мало кому известный титулярный советник оказался вдруг в числе фаворитов избирательной кампании – одним из ключевых претендентов на должность городского головы (лорд-мэра) Благовещенска. Но что-то в последний момент не сработало, закулисный механизм дал сбой – очевидно, те, кто продвигал Алексинского в кресло лорд-мэра, переоценили возможности административного влияния. Или недооценили способность городской думы противостоять интригам аппарата военного губернатора. Так или иначе, доступа к городской казне Алексинский не получил, и эта фатальная неудача, видимо, предопределила всё дальнейшее.

Несостоявшийся лорд-мэр внезапно пропал, исчез. словно провалился сквозь землю или растворился в воздухе.

И скорее всего, ни современники, ни тем более потомки об этом загадочном исчезновении ничего бы не узнали (ибо, как станет понятно чуть ниже, в высоких начальственных кабинетах не было ни малейшего желания выносить сор из избы), если бы не досужие газетчики. Именно они, а не полиция, не административные или судебные инстанции, забили тревогу, стали проводить собственное расследование и знакомить с его результатами всё более и более изумляющуюся общественность.

29 июля (11 августа) 1911 года газета «Эхо», секретарём редакции и ведущим автором которой был сатирик Фёдор Чудаков, напечатала сенсационный материал в рубрике «Местная хроника» с подзаголовком «К исчезновению инженера Алексинского». Анонимный автор (материалы в этой рубрике давались без подписей) сообщал, что недавний претендент на должность городского головы оказался... казнокрадом, что он похитил наличность во всех кассах, к которым имел доступ. И, кроме того, сбежал за границу.

По информации газеты, несостоявшийся лорд-мэр умыкнул весьма приличные по тем временам деньги – «около 30 000 рублей: из сумм переселенческого управления 6 400 руб.; из сумм Общества спасения на водах 3 500 руб.; из суммы Общины Красного Креста 16 000 руб.; из кассы комитета по постройке губернаторского дома (наш пострел и туда, оказывается, поспел! – А.У.) 5 000–6 000 руб.» [4]. Как говорится, с миру по нитке... Только не простой, а золотой...

Вдобавок ко всему, газета выяснила, что похититель крупной суммы и недавний претендент на высокий пост оказался по своей натуре и повадкам, в общем-то, мелким жуликом, а с точки зрения человеческих качеств, полным ничтожеством – лживым и мелочным.

Газета привела шокирующие подробности, раскрывающие, как говорится, моральный облик этого невзрачного существа, совсем недавно усиленно продвигавшегося вверх стараниями пока ещё не названных покровителей.

Даже бегство было организовано и обставлено им предельно нечистоплотно. «Эхо» рассказало, что «Алексинский скрылся с заграничным паспортом одного из своих подчинённых, десятника переселенческого управления. Алексинский несколько времени тому назад заявил этому десятнику, чтобы он достал заграничный паспорт на своё имя, так как ему придётся сопровождать его, Алексинского, в заграничную командировку. Десятник, обрадованный обещанием, что во время командировки он будет получать по 200 руб. в месяц, поторопился достать паспорт и немедленно же вручил его Алексинскому. “Пока вы отправляетесь на работы в Мазаново, а потом, когда придёт время ехать, я вам сообщу”, – приказывает Алексинский. Около полутора месяцев ждал обманутый десятник “командировки”, пока не узнал из газет, что Алексинский отправился в путь без него» [4].

В освещении скандальной темы приняли участие практически все выходившие в то время в Благовещенске газеты: «Амурский листок», «Амурский пионер», «Благовещенск», «Эхо». С более чем вековой дистанции отчётливо видно, что

каждое из этих изданий, повторяя общеизвестное, тем не менее, находило свой собственный ракурс, свой угол зрения на проблему. И отдавало предпочтение какому-то избранному жанру. Что предопределяло разность подходов к одному и тому же событию? В первую очередь, личные качества людей, определявших направление газеты, её общественно-политическую, гражданскую позицию.

Газета «Амурский пионер» (1911–1912), которую издавал и редактировал скандально известный журналист Александр Иванович Матюшенский (печатавшийся чаще всего под псевдонимом *А. Седой*), основной автор созданного спустя несколько месяцев «бестселлера начала XX века» – коллективного романа «Амурские волки» (1912), акцент сделала не на «мелкой сошке» Алексинском, а на более крупных фигурах – на остававшихся до поры в тени покровителях беглого казнокрада. Жанровые предпочтения газеты – скандальная хроника и скандальные же (не только по содержанию, но и по тону, стилистике, фразеологии) публицистические «разоблачения», непревзойдённым мастером которых был Матюшенский-Седой.

В отличие от некоторых других амурских периодических изданий, стремившихся выдерживать то или иное общественно-политическое направление, газета Матюшенского «Амурский пионер» (а позднее его же «Благовещенское утро», выходившее в 1912–1917 гг.) была изданием, преследовавшим чисто коммерческие цели. На чём специализировалась газета Матюшенского, чем привлекала подписчиков? Чаще всего низкопробными материалами, рассчитанными на невзыскательные или даже низменные вкусы мещанской публики, а также скандальными разоблачениями известных в городе людей. Или же тем и другим одновременно. Так было и на этот раз.

В том же июле 1911 г. в № 59 «Амурского пионера» появилась статья, в которой утверждалось, что нечистый на руку беглец был тесно связан с вице-губернатором Чаплинским. Газета Матюшенского утверждала, что Алексинский жил в одной квартире с Чаплинским, что он – всего лишь «жертва» кружка лиц, втягивавших его в разгульную жизнь, что и вызвало рас-

трату казённых средств. Во главе этого кружка, по утверждению газеты, был именно вице-губернатор Чаплинский, а входили в его состав, как позднее писал Матюшенский, полицмейстер Данильчук, его помощник Цесарский, уездный начальник Адрианов и другие влиятельные лица. Газета сообщала, что растраченные членами «клики» казённые деньги и добытые ими взятками суммы «прокручивались» и проигрывались в квартире Чаплинского, где устраивались оргии. В течение следующих нескольких месяцев «Амурский пионер» опубликовал ещё ряд статей на эту тему. Конфликт между редактором Матюшенским и вице-губернатором Чаплинским, спровоцированный бегством из Благовещенска инженера Алексинского, разрастался, в какой-то момент он вышел далеко за пределы области и приобрёл чрезвычайно скандальный, опасный для авторитета власти характер.

17 февраля 1912 г. Чаплинский, исполнявший в то время обязанности военного губернатора области (вместо временно отсутствовавшего Аркадия Михайловича Валуева), по сути, воспользовавшись из личной неприязни служебным положением, издал постановление о наложении на Матюшенского за публикацию в «Амурском пионере» вполне безобидной статьи «Потешные в крае» разорительного по тем временам штрафа в размере 1000 рублей с заменой, при неспособности выплатить его, тюремным заключением сроком на 1 месяц. В ответ на это редактор «Амурского пионера» направил жалобы генерал-губернатору Приамурья Н.Л. Гондатти (его резиденция находилась в Хабаровске), министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову, министру юстиции И.Г. Щегловитову, председателю Совета министров В.Н. Коковцову. В них он обвинял вице-губернатора Амурской области в «преступных деяниях» и утверждал, что тот мстит честному и принципиальному журналисту «за статью о его сожителе Алексинском». Чаплинский, в свою очередь, обращался к Н.Л. Гондатти с просьбой закрыть газету «Амурский пионер» и выслать её редактора «из пределов области». Чувствительный к либеральному общественному мнению Гондатти, опасавшийся прослыть «душите-

лем свободной печати», какое-то время колебался, не принимал мер по отношению к редактору «Амурского пионера». Однако властям пришлось «тушить пожар»: в конце концов газета «Амурский пионер» была закрыта, а Матюшенского за «клевету» осудили на 4 месяца тюрьмы. Вице-губернатора же Чаплинского от греха подальше перевели в далёкий Петропавловск-на-Камчатке.

Александр Иванович Матюшенский, отдадим ему должное, бесстрашно, порой с немалым риском для себя, разоблачал и обличал «амурских волков» – нечистых на руку представителей местной власти, администраторов-прохиндеев городского и областного масштаба, видных «акул» промышленного и торгового капитала Приамурья, но не ставил под сомнение прогнившую общественно-политическую систему, порождавшую Чаплинских, Алексинских и других бесчисленных жуликов и воров во власти или при власти.

Иное дело – «Эхо», газета «прогрессивного» (как она сама его определяла) направления: в какие-то периоды демократического, в какие-то – скорее умеренно-либерального. Демократический и даже социалистический «крен» газете чаще всего задавал Фёдор Чудаков – бывший политический ссыльный, живший в Благовещенске с осени 1908 г. под гласным надзором полиции, эсер по партийной принадлежности и убеждениям. Именно его материалы об Алексинском с наибольшей полнотой выразили позицию «Эха» в этом вопросе.

Первый отклик сатирика на бегство инженера Алексинского – фельетон в традиционной авторской рубрике «Накись дня (Расхрабрившись, точно кочет...)», напечатанный двумя номерами ранее упомянутой выше хроникёрской заметки (которая, судя по всему, тоже была написана Фёдором Чудаковым – но уже в статусе одного из анонимных авторов раздела «Местная хроника»):

Совершил поступок свинский
Этот гласный Алексинский.
Даже дружеский «Листок»
Тиснул пару тёплых строк.

«Крал, – он пишет, – деньги массой
И удрал с тугою кассой».
Позабыв водопровод,
Он в Японию плывёт.
Так закончилась карьера
Кандидата на лорд-мэра.
И теперь гласит молва:
«Га-ла-ва!» [1; 7, с. 118–119]

Выразив без экивоков отношение к сбежавшему казнокраду (*совершил поступок свинский*), уколов попутно своего постоянного оппонента Анатолия Александровича Константинова – редактора газеты «Амурский листок», который ещё недавно оказывал рекламно-информационную поддержку ставленнику вице-губернатора Чаплинского, а теперь, вывернувшись, и на скандале пытался набрать очки (*даже дружеский «Листок» тиснул пару тёплых строк...*), Чудаков сосредоточился главным образом не на краже казённых денег и не на побеге, а на попытке определённых кругов «сорвать банк», захватив кресло городского головы. Обратим внимание на то, как представлен в фельетоне беглый казнокрад: *поступок свинский* совершает не просто частное лицо и даже не инженер, не администратор – зав. отделом переселенческого управления, не казначей, а *гласный* городской думы. И не просто гласный, а гласный, который метил в кресло городского головы, который выступал в качестве *кандидата на лорд-мэра*. Прозрачно обозначена в фельетоне и цель планировавшегося, но не состоявшегося (как сейчас бы сказали – рейдерского) захвата власти в Благовещенске: «*Позабыв водопровод, / Он в Японию плывёт*». Справка для непосвящённых: власти Благовещенска в тот период начинали масштабное строительство городского водопровода, подо что привлекались огромные займы, которые должны были проходить через ту самую городскую казну, к которой и пробивался при содействии высоких покровителей инженер Алексинский.

На той же самой странице «Эха», где в разделе «Местная хроника» была напечатана процитированная выше заметка «К исчезновению инженера Алексинского», опубликован ещё

один материал на скандальную тему – фельетон *Язвы* (один из наиболее известных псевдонимов Ф. Чудакова) «Накипь дня (Шах поклялся на Коране...)». Первая его часть обращена к событиям международной политики, а две последующие развивают тему, заданную в хроникёрской заметке.

Вторая часть произведения строится на аллегории, смысл которой современники сатирика угадывали без труда, ныне же без комментариев она может быть не понята или понята неадекватно:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Коля! Чем ты пообедал?
Не Крестом ли Красным ведал?»
Ворон ворону в ответ:
«Нет, Григорь Ефимыч, нет!
Красный Крест пришлось мне высечь
На восемнадцать только тысяч.
И в “Спасенье на водах”
Нынче дело тоже – швах.
Я направил вождельня
На дела переселенья
И, коль правду говорить, –
Бога нечего гневить!»
Новый ворон улыбнулся,
А Ицкович поперхнулся,
Жадно кушая рудник,
И главой своей поник [10].

Два говорящих ворона (старый и молодой) – два известных амурских афериста, жульнические деяния которых стали достоянием гласности и предметом судебных разбирательств. Старый ворон, которого его молодой собрат уважительно называет *Григорь Ефимычем*, – не Г.Е. Распутин (как кто-то может подумать), самый знаменитый в России начала XX столетия обладатель этого имени-отчества, а авантюрист рангом пониже: Григорий Ефимович Ицкович (1852–1916), скандально известный в то время благовещенский купец 2-й гильдии, золотопро-

мышленник. В 1890-е он был управляющим Ниманскими золотыми приисками, в 1903–1905 гг. – компаньоном знаменитого П.Д. Баллода. В 1907 г. из-за не возвращённого Ярославско-Костромскому банку кредита в 17 тысяч рублей часть недвижимости Ицковича была продана на публичных торгах в Благовещенске. Несмотря на всю эту скандальную историю, в 1910–1914 гг. Г.Е. Ицкович являлся выборщиком в городскую думу по имущественному цензу. То есть, получается, выборщиком и Николая Павловича Алексинского – беглого казнокрада, гласного городской думы. Именно с ним, называя его на правах старшего наставника по-своейски *Колей*, и ведёт беседу вор и аферист прежних лет Ицкович. «Поперхнулся» старый ворон, очевидно, от зависти к более удачливому, превзошедшему его молодому жулику. И «главой своей поник» он оттого, что его, куда более опытного, выдавшего виды «ворона», умыкнувшего всего-навсего 17 тысяч, не только опозорили на весь свет, но и вынудили вернуть украденное, а присвоивший 30 тысяч казённых денег «ворон» *Коля* избежал такой участи, упорхнув за границу.

Третью часть фельетонист начинает тем, что прощается с беглым казнокрадом и пытается перейти к другим темам, которые могут быть более интересны амурским читателям:

Распростившись с казнокрадом,
Перейдём теперь к «наядам»
И к афинским вечерам...
Та-ра-ррам!
Но... амурское афинство –
Новый вид того же свинства,
Коим насмерть издавна
«Соль земли» заражена.
Прочь, афинство! Вон! Исчезни!
Не хочу морской болезни
На читателя насрать!
Буду новых тем искать [10].

Оказалось, что предшествующее «прощание» с Алексинским было притворным: на самом же деле сатирик лишь зашёл на ту же тему с другой стороны – с той самой, которая подроб-

но, в деталях освещалась А. Матюшенским. Упомянутые Чудаковым *наяды* – в древнегреческой мифологии нимфы рек, ручьёв и озёр; в переносном, ироническом смысле (а о том, что слово это используется именно в таком значении, сигнализируют кавычки, в которые оно заключено) – обнажённые девушки, голые «купальщицы». Становится понятно, что сатирик намекает на оргии в квартире вице-губернатора Чаплинского, о которых писали в «Амурском пионере». *Афинские вечера (ночи)* – ночные оргии с участием «наяд». Об оргиях, ставших причиной растраты инженером Алексинским казённых денег и его бегства за границу, говорилось выше, когда речь шла о материалах в газете Матюшенского, явно пародируемых в данном фельетоне. Смаковать, уподобившись редактору «Амурского пионера», тему «наяд» и «афинских вечеров» автор фельетона из брезгливости отказывается (*Прочь, афинство! Вон! Исчезни!*), ибо не желает насладиться и на себя, и на читателей приступ тошноты – «морской болезни».

В пояснении нуждается ещё одно выделенное сатириком словосочетание – «соль земли». *Соль земли* – так именовал своих учеников Иисус Христос; в иносказательном смысле – лучшие из лучших, избранные. В контексте фельетона словосочетание это, взятое в кавычки, используется в ироническом смысле: под «солью земли» автор подразумевает погрязшую в разврате и воровстве тогдашнюю властную «элиту», в том числе и участников «афинских вечеров» в квартире вице-губернатора.

Во второй половине третьей части *Язва* предпринимает ещё одну попытку уйти от надоевшей темы, переключив внимание на тему «героическую», «патриотическую»:

Вот, хотел черкнуть я ныне
Об «Амурской героине»,
И верчуся, точно льинь:
Слишком много героинь!
Показаться стыдно в людях:
Столько Юдих, столько Юдих!
Перечислить их сполна
Вечность целая нужна.

Вот Амурка, вот сибирка...
В городском кармане дырка...
Ну, сказать короче вам:
Очень много милых дам [10].

Начнём с простых разъяснений. *Амуркой* в 1910-е годы было принято называть и Амурскую колёсную дорогу (*Амурскую колесуху*) – трактовую дорогу для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которую строили в 1898–1910 гг., и Амурскую железную дорогу, строительство которой велось в 1907–1916 гг. На строительстве и той, и другой наживались купцы-поставщики, жулики-подрядчики и «крышующие» их чиновники-казнокрады. Все они с удовольствием тратили часть наворованных денег на кутежи с разного рода «наядами». Этой теме Чудаков посвятил немало фельетонов: «Колёсная» (Эхо. 1911/1912. 31 декабря (13 января). С. 3) [7, с. 132–133]; «Накись дня (В авангарде тыла были...)» (Эхо. 1912. № 1014. 11 (24) апреля. С. 3) и др. *Сибирка* – в данном контексте сибирская язва, опасная инфекционная болезнь домашних животных, с эпидемией которой в 1911 году никак не могли справиться власти Амурской области – по мнению сатирика, главным образом потому, что это их волновало гораздо меньше, чем казнокрадство и «афинские вечера».

Теперь о главной «героине» финального фрагмента третьей части фельетона. *Амурская героиня* – Анастасия Юдина (урождённая Делярова), дочь солдата, родилась в 1871 г. в Томской губернии, воспитывалась в богатой семье. В 13 лет бежала из дома, в 16 вышла замуж за приискателя К.Д. Юдина. В Благовещенске Юдина жила с 1890-х. За участие в событиях российско-китайского вооружённого конфликта (июль 1900 г.) была награждена серебряной Георгиевской медалью. О её подвиге рассказал специально приезжавший в Благовещенск для встречи с нею военный писатель Ю.Л. Елец [2, 6].

Позже Юдина (Юдиха) создала и возглавила банду, занимавшуюся грабежами и убийствами состоятельных людей, прежде всего золотопромышленников. За серию преступлений в 1907 г. была осуждена на каторгу. Под именем Антонина Иска-

риотова (логика трансформации фамилии: Юдина – Иуда Искариот – Искариотова) выведена в печатавшемся первоначально в газетах Матюшенского «Амурский пионер» и «Благовещенское утро» *коллективном романе* «Амурские волки», основным автором которого был всё тот же вездесущий А. Матюшенский (выступавший в данном случае под псевдонимами *А. Седой, Фантом* и *Монгол*) [5].

В финале романа «Амурские волки» Антонина Искариотова получает 10 лет каторги, но в реальности её прототип Анастасия Юдина вышла на свободу намного раньше. Газета «Эхо» следила за дальнейшей судьбой *Юдихи*. Вот одна из заметок в разделе «Местная хроника», датированная октябрём 1913 года:

«Амурская героиня» Юдина, отбыв каторгу, упорно избегает места своего водворения и предпочитает разъезжать по всей нашей окраине, оставляя то там, то тут следы своего пребывания. Так, в 1912 году она в г. Зeya-Пристань, по постановлению горного исправника, за кражу была подвергнута тюремному заключению, по отбытии которого занялась... «врачебной» практикой в селениях Зазейского района. Затем некоторое время о ней не было никаких известий. В 1913 г. она объявилась в районе приисков около Николаевска. Там за разные делишки мировой судья приговорил её к заводским работам и заключил в Николаевскую тюрьму, но приговор этот в сентябре был отменён Владивостокским окружным судом, и, таким образом, Юдина сейчас снова на свободе [3].

Самый острый материал Чудакова об истории с Алексинским – статья «Подлые времена», подписанная псевдонимом *-Ъ*, который Фёдор Иванович использовал редко – обычно тогда, когда не хотел, чтобы его авторство было «расшифровано». Ибо за подобный материал в те времена легко можно было оказаться обвинённым по статье 128 Уголовного уложения. Статья эта (как и статья 129) карала ссылкой на поселение или тюремным сроком за всякого рода публичное выражение (в речи, сочинениях и т.д.) неуважения к верховной власти и за порицание существующего образа правления. Чудаков по этим статьям прежде уже ссылался на три года в Туруханский край (откуда, пробыв там половину срока, бежал в Благовещенск).

Ввиду её особой значимости, приведём статью «Подлые времена» полностью, без купюр, благо она не очень объёмна:

«Бывали хуже времена, но не было подлей...»¹

Эти слова Некрасова неотвязно начинают звучать у нас в ушах всякий раз, как приходится слышать разговоры об Алексинском.

Но не кража и бегство Алексинского наводят нас на мысль о подлости переживаемого времени. И вот почему.

Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей.

С одной стороны – горсточка разных рангов и положений воров.

С другой – всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса.

Алексинский, как мы видим, предпочёл примкнуть к первому лагерю, и потому нужно удивляться не тому, что он *украл* тридцать тысяч рублей, а тому, что *украл только* тридцать, а не сто, не триста тысяч рублей.

При имени Алексинского нам припоминается другое – недавняя история с выборами городского головы.

Ведь ни для кого не секрет, что около Алексинского сгруппировалась тогда «маленькая, но тёплая компания», решившая *во что бы то ни стало* посадить его в кресло городского головы.

Всем известно, к каким приёмам прибегали в то время, чтобы расчистить Алексинскому путь к этому креслу.

В этих целях использовано было даже печатное слово.

Мы ещё помним, как распинались за Алексинского и «Амурский листок», и безупречный г. Седой.

«Голосуйте за Н.П. Алексинского!» – красовалось, между прочим, большими буквами вверху второй страницы 729-го номера «Амурского листка».

¹ «Бывали хуже времена, но не было подлей...» – цитата из начальной строфы поэмы Н.А. Некрасова «Современники» (1875): «Я книгу взял, восстав от сна, / И прочитал я в ней: / «Бывали хуже времени, / Но не было подлей». Последние две строки у Некрасова заключены в кавычки, так как фактически это цитата из рассказа «Счастливые люди», принадлежащего перу малоизвестной ныне русской писательницы Надежды Дмитриевны Хвошинской (1825–1889). Он был опубликован в журнале «Отечественные записки» (1874. № 4) под псевдонимом В. Крестовский.

И вся эта предвыборная кампания, проведённая с энергией, достойной лучшего применения, дала свои результаты.

И.Д. Прищепенко² не утверждён, П.П. Попов³ висел на волоске, а Алексинскому на выборах удалось набрать 21 из 56 наличных голов, то есть более одной трети.

К счастью, среди гласных, кроме двадцати одного, нашлось ещё 14 человек, которые и дали выборный перевес в пользу конкурировавшего с Алексинским г. Попова.

А что бы было, если бы эти 14 человек не пришли на выборы, или 8 из них удалось бы завербовать в число приверженцев Алексинского?

Представьте Алексинского в роли «хозяина» города, близкого к городской кассе, в роли реализатора миллионного городского займа и строителя городского водопровода!

Сколько бы тогда могло «прилипнуть» к его рукам городских денег!?

К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем.

Поэтому в данный момент приходится лишь ограничиться пожеланием, чтобы эти подлые времена не повторились и при приближающихся выборах в четвёртую Государственную думу [8].

Разница в подходах к истории Алексинского двух газет и, соответственно, двух самых известных на тот момент амурских журналистов, очевидна. Для Матюшенского разоблачение несостоявшегося лорд-мэра и его покровителей – повод для публичного выволакивания на свет грязного белья, для привлечения внимания читателей к шокирующим подробностям частной жизни фигурантов скандала, для раскрытия и смакования их «альковных тайн». Чем громче и продолжительней был этот скандал, чем непристойней, грязней всплывали реальные и вымышленные подробности приватной жизни героев публикаций, тем, видимо, лучше – тем больше покупателей и подписчиков у

² Прищепенко Иосиф Дмитриевич (1869–?) – городской голова Благовещенска в 1914–1916 гг.

³ Попов Пётр Петрович (ок. 1857–1928) – городской голова в 1911–1914 гг.

«Амурского пионера». Отсюда, наверное, специфическая (почти «базарная») лексика и соответствующий тон разоблачительных публикаций газеты Матюшенского, отсюда явный перекося в сторону всякого рода интимных деталей, отсюда перевод разговора из плоскости обсуждения общественного смысла произошедшего к обличению порочных наклонностей конкретных, всем известных персон, к дискредитации их как личностей, к публичному «оголению» и издевательскому осмеянию. И всё это делалось голословно, без предъявления каких бы то ни было фактов, без свидетельств очевидцев и т.п.

Статья Чудакова – образец не только другого жанра, но и совершенно иной гражданской позиции публициста, иной логики, иной морали, иного кругозора, иного понимания того, что происходит в стране и в Благовещенске, иного словесно-образного инструментария.

Автор расставляет совершенно другие акценты, заостряет внимание на принципиально иных вещах – а именно на острейших социальных недугах России, на порочности общественно-политической системы, самого устройства страны, порождающего чудовищное социальное неравенство и воровство: «Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей. / С одной стороны – горсточка разных рангов и положений воров. / С другой – всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса». Именно такое положение вещей, по Чудакову, представляет главную общественную угрозу, именно оно, в совокупности с отсутствием свободы слова («К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем»), является питательной почвой для разного рода аферистов. Чудаков пишет не о подлых людях, а о подлых временах – то есть о несовершенстве государственного устройства, его институтов, что и является главной причиной торжества подлых поступков и подлых людей.

Что касается того, что случилось в Благовещенске, то и здесь Чудаков-публицист сосредоточивается не на скандальных сторонах частной жизни конкретных лиц (хотя и не снимает с них ответственности), не на «клубничке», а на несовершенстве

общественных механизмов, порождающих тотальную коррупцию властной элиты и общее падение нравов.

Некоторое время спустя Чудаков вернулся к скандальной теме, в фельетоне «Накипь дня (Но позвольте, если этак рассуждать...)» отреагировав на заметку в «Местной хронике» о перемене отношения к поступку беглого казнокрада: «Общество к Алексинскому претензий не имеет и объясняет поступок его легкомыслием»:

Но позвольте: если этак рассуждать,
То и Каина возможно оправдать:
Легкомысленно дубину в руки сгрёб,
Легкомысленно заехал брату в лоб...
Легкомыслие! Да с этаким словцом
Сам Иуда не сочтётся подлецом!

Тридцать тысяч легкомысленно украл,
Легкомысленно в Америку удрал.
В результате, легкомысленный подлец –
Претендент на мученический венец...
А когда Демьян пуд сена украдёт –
Легкомысленно на каторгу идёт.

Эх, вы, люди-человеки!
Как себя-то вам не жаль?
Славься ныне и во веки
Готтентотская мораль!
Пусть душа чернее сажи –
Эко диво! Ну, так что ж!
«Легкомысленные» кражи,
«Легкомысленный» грабёж! [9; 7, с. 130–131]

Подмеченное и язвительно прокомментированное автором фельетона изменение в общественном мнении Благовещенска по отношению к инженеру Алексинскому, растратившему крупную сумму общественных денег и сбежавшему за границу, имело свою подоплёку. В подобной «реабилитации» были заинтересо-

ваны очень влиятельные персоны, прежде всего А.Г. Чаплинский и его приближённые.

Судя по всему, именно замешанные в скандале официальные лица во главе с вице-губернатором направляли общественное мнение Благовещенска в русло «реабилитации» растратчика Алексинского. Прямо не называя причины общественной реабилитации Алексинского, Ф. Чудаков, тем не менее, намекает читателям газеты «Эхо», посвящённым в детали этой скандальной истории, что здесь не обошлось без двойной морали и без воздействия высокопоставленных чиновников, желающих спустить это дело на тормозах – и не из сочувствия к инженеру Алексинскому, разумеется.

Но главный смысл фельетона – неприятие автором сложившегося в царской России чудовищного социального, словесного неравенства, осуждение не только правящей «элиты», освободившей себя от судебной и какой бы то ни было нравственной ответственности, но и всего российского общества, принимающего навязываемую сверху *готтентотскую*, то есть пещерную, дикую, совершенно извращённую мораль.

P.S. Скандальное же дело, о котором в 1911–1912 гг. наперебой рассказывали амурские периодические издания, спустя некоторое время получило неожиданное продолжение.

Весной 1914 года газета «Эхо» сообщила очередную сенсационную новость – беглый казнокрад, о котором многие уже успели порядком подзабыть, вернулся (возвращён) в Благовещенск и ждёт суда: «**Дело Н.П. Алексинского** будет слушаться в выездной сессии Иркутской судебной палаты, которая прибудет сюда в конце апреля. Сам г-н Алексинский уже в Благовещенске» (Эхо. 1914. № 1579. 12 (25) апреля. С. 3).

Но это уже другая история...

Литература

1. *Гусяр (Чудаков Ф.)* Накипь дня (Расхрабрившись, точно кочет...) // Эхо. 1911. № 816. С. 3.

2. *Елец Ю.Л.* Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами. М.: Типография А.С. Забалуева, 1901. 33 с.
3. Местная хроника: «Амурская героиня» // *Эхо*. 1913. № 1434. 6 (19) октября. С. 4.
4. Местная хроника: К исчезновению инженера Алексинского // *Эхо*. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.
5. *Урманов А.В.* «Есть люди и нет их...»: Роман «Амурские волки» как литературный феномен // Филологическая регионалистика: Научный и информационно-аналитический журнал. Тамбов. 2012. № 2 (8). С. 14–28.
6. *Урманов А.В.* Елец Юлий Лукьянович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 137–138.
7. *Чудаков Ф.* «Чаша страданья допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, предисловие, подготовка текста, комментарии Александра Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. 716 с.
8. -Ъ (*Чудаков Ф.*) Подлые времена // *Эхо*. 1911. № 820. 31 июля (13 августа). С. 2.
9. *Язва (Чудаков Ф.)* Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...) // *Эхо*. 1911. № 904. С. 3.
10. *Язва (Чудаков Ф.)* Накипь дня (Шах поклялся на Коране...) // *Эхо*. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.